

СТИХОТВОРНАЯ И ПРОЗАИЧЕСКАЯ СТРОКИ:
ПЕРВИЧНОЕ И МОДИФИЦИРОВАННОЕ

1. Занимаясь разработкой общей системы реконструкции праславянского текста, В.В. Иванов и В.Н. Топоров значительное место уделяют восстановлению исходной структуры праславянского стиха¹. Наиболее сохранными при этом оказываются, по их наблюдениям, традиции русского и сербско-хорватского эпического стиха ("в настоящее время наиболее достоверные реконструкции праславянского эпического стиха основываются именно на сравнении этих двух традиций")². См. также у Р. Якобсона: "Русские и южно-славянские эпические данные демонстрируют материал, чрезвычайно ценный для сопоставительного исследования, поскольку невозможно их вывести друг из друга непосредственным генетическим путем"³. Еще один исследователь видит сходство - и наибольшую общеславянскую сохранность - в русской и болгарской стихотворной традициях, с большей древностью именно болгарской ветви⁴.

Таким образом, выявляется тенденция, объединяющая линию языков южно-славянской группы (славянская часть БЯС) и русскую эпическую стихотворную традицию. Примечательно при этом, что, как подчеркивает Р. Якобсон, эта реконструируемая форма "остаётся чужой в неславянском окружении, т.е. у греков, румын, турков и финноугров"⁵.

В.В. Иванов и В.Н. Топоров рассматривают девять основных типов праславянского стиха, различающихся в известной

¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. К реконструкции праславянского текста. - В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.

² Там же, с. 96.

³ Jakobson R. Slavic Epic Verse: Studies in Comparative Metrics. - In: Jakobson R. Selected writings, IV. The Hague-Paris. 1966, p. 427.

⁴ Шервинский С.В. Смысловое ударение как стихологический элемент. - В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.

⁵ Jakobson R. Op. cit. p. 421. - Р. Якобсон приводит данные исследователей турецкого и албанского стихосложения. Существенно в данном случае, изучая факты языков БЯС, выявлять не только сходжения, но и расхождения глубоко-генетического характера.

степени по жанровой соотнесенности, а также по большей или меньшей связанности с соответствующей национальной традицией.

Не занимаясь вопросом о первичности одной какой-либо стихотворной праформы (например, десятисложника, сопоставляемого с сербско-хорватским "десетерацем" — *Уранила/Косовка дѣвѣјка/!*..), можно обнаружить во всех приводимых формах общие черты фразовопросодического плана.

Основной характеристикой при этом можно считать наличие двух фразовых (т.е. входящих в строку) ударений: одно в начале строки (1-й слог в "десетераце", 3-й в русской стихотворной традиции), другое — в конце строки. Возможно и третье ударение — в том случае, если строка расчленена цезурой — ударение перед цезурой. Эти два ударения как бы скрепляют строку, создают ее жесткую просодическую рамку.

В.В. Иванов и В.Н. Топоров приводят три разновидности русского былинного стиха, восходящие к праславянскому десятисложнику:

- I. Как во-стольном городе во Киеве
А у-славна князя Володимера
XX XX XXXX XXX.
- II. Как во-стольном во городе во Киеве
А у-ласкава князя Володимера
XX XXX XXXX XXX.
- III. Как во-стольном было городе во Киеве
А у-ласкава у князя Володимера
XX XXXX XXXX XXX.

При сопоставлении этих трех типов былинного стиха обращает на себя внимание та же жесткость рамки: обязательно ударение на 3-м слоге (двусложная анакруза) и ударение на 3-м слоге от конца (дактилическая клаузула). Разнообразие создается лишь за счет усложнений более свободной середины⁶. Таким образом, средняя часть строки демонстрирует способность сжиматься и растягиваться.

Итак, цельность строки создается двумя граничными ударениями. В случае третьего ударения сама связанность его с цезурой заставляет предполагать, что мы имеем дело с отражением двучастной синтаксической структуры (*С волками жить/по волчьим вить*), в противоположность исходной одночастной (см. "место цезуры в известных славянских народных размерах отражает в преобразованном виде членение текста на такие многосложные группы, которые в то же время можно рассматривать и как элементарные синтаксические единства")⁷.

⁶ На это обратил внимание В.В. Иванов в докладе, сделанном в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в декабре 1973 г.

⁷ Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч., с. 95. Существенно также упомянуть при этом и работу О.М. Брика, указавшего на синтаксическую заданность русской стихотворной строки и перечислимость ритмико-синтаксических моделей (*Брик О.М. Ритм и синтаксис. — Новый ЛФ, 1927, № 3*).

2. Обратимся теперь к просодической модели славянской фразы – в той ее части, которая свойственна всем славянским просодическим структурам и так, как она выводится на основании экспериментальных данных⁸.

А именно – для общеславянского просодического каркаса отмечается такая же рамочная обрамленность фразы, причем всеми просодическими параметрами. Основной центр – фразовое ударение – приходится на ударный слог последнего слова законченной фразы. Второй центр располагается на начальной ее части, как правило – это ударный слог первого полнозначного слова. Временные показатели отмечают таким образом три сильных (продленных) точки: 1/ последний ударный слог, 2/ первый ударный слог, 3/ факультативная, или потенциальная продленная точка – абсолютно конечный слог, который может по-разному реализоваться в разных славянских языках: быть короче конечного ударного, быть равным ему или быть более длительным. Середина фразы допускает временную компрессию вплоть до той степени деформации, когда ударные слоги могут сравняться с заударными; это явление связано с тенденцией речевой единицы к изохронности, поэтому вставка новых слогов связана с укорачиванием слогов середины. В начале фразы есть и потенциальная сильная точка – это предударный слог, т.е. аналог абсолютно конечному слогу.

Таким образом, временная структура выявляется очень четко, жесткую рамку составляют начало и конец с двумя усиленными точками в каждом случае (предударный + первый ударный vs последний ударный + заударный), середина оказывается более мобильной и допускающей вставки, сокращения и растягивания. При этом середина может как бы выделяться из этой рамки, тогда стихотворная строка делается трехчастной⁹.

Акцентная, т.е. силовая, структура отмечает начало фразы большей громкостью, понижаясь к концу.

Таким образом, самые сильные точки фразы: по акцентной линии – начало, по временной – конечная часть. При слуховом восприятии эти два центра (при компенсации и различении параметров) могут казаться равно выделенными: неискушенный слух отмечает "ударение" вообще, не различая, акцентное оно или временное. Кроме того, как это приходится видеть и в настоящее время, в лингвистическом сознании "силовое" ударение – это на самом деле не силовое, т.е. акцентное, динамическое, а просто "немузыкальное"; таким образом, идея не силовой, не музыкальной, а временной выраженности славянского ударения, несмотря на

⁸ См.: Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977, с. 243 – 246, раздел "Общие характеристики".

⁹ Р. Якобсон (Указ. соч.) указывает именно на выбор такой, трехчастной структуры для русского стиха, причем эти три просодических компонента соответственно заполняются и тремя отдельными смысловыми группами (с. 443)

множество подтверждающих этот факт экспериментальных работ, почему-то упорно не принимается.

Два рамочных центра характерны и для мелодических рисунков славянской фразы.

3. Как было отмечено выше, интонационный центр общеславянской фразы располагается в конце, в зоне ударного слога последнего слова. И в стихе "главное ударение, действительно, падает в громадном числе случаев на последний ударенный слог"¹⁰. Существенно также важное указание В.В. Иванова и В.Н. Топорова о том, что "перед цезурой и перед концом строки два последних слога принадлежат к одной словесной группе"¹¹, т.е. единицей просодии – как и в обычной фразе – является не слог, а фонетическое слово.

Итак, несомненно совпадение просодической модели праславянской стихотворной строки и общей для всех славянских языков модели фразы, т.е. коммуникативной минимальной речевой единицы. Таким образом, стихотворная строка на одном из своих звуковых пластов оформляется как фраза, а фраза есть как бы потенциальная стихотворная строка. "Фраза содержит целое число строк, о б ы ч н о о д н у"¹² (разрядка наша – Т.Н.). И неслучайно в качестве прообраза минимальной речевой единицы славянского текста В.В. Иванов и В.Н. Топоров в указанной работе выбирают стихотворную строку, хотя априори это не задано (см. далее их анализ скандинавской реконструкции).

Если бы фразовое оформление стихотворной славянской строки совпадало с выведенной общей фразово-просодической моделью и этим бы все ограничивалось, то можно было бы говорить только о том, что стихотворная единица была сверх того и собственно речевой.

Однако оказывается, что нестихотворные славянские речевые единицы знают модификации исходной общей формы, далеко от нее отклоняющиеся, и что эти модификации недоступны (или нерелевантны) для стихотворной строки.

Для русского материала такого рода расхождения наиболее убедительно показаны И.И. Ковтуновой¹³. По ее данным, инверсионное расположение в словосочетании или во фразе обязательно влечет за собой транспозицию фразового ударения и прикрепление его к инвертированному члену: *Редки деревни на Белом море; Широкие открывались взору пространных; Я лебедчиком работаю; Чистая комната; Удивился Иван* и т.д.

Существенно, что в прозаической речи оказывается "в области порядка слов стройная система стилистических противопоставлений: стилистически нейтральные варианты с восходящим расположением акцентов противопоставлены экс-

¹⁰ Шервинский С.В. Указ. соч. с. 408.

¹¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч. с. 97.

¹² Jakobson R. Op. cit., p. 453.

¹³ Ковтунова И.И. Порядок слов в стихе и прозе. – В кн.: Синтаксис и стилистика. М. 1976.

прессивным и стилистически окрашенным вариантам с нисходящим по силе расположением акцентов или с рамочной акцентной структурой.

В стихах эта система распадается¹⁴.

Важно, что далее И.И. Ковтунова, разбирая те случаи искажения стиха, к которым привело бы его прозаически правильное чтение, указывает на систему интонационно сильных позиций в стихе и в первую очередь — на положение **н и е в к о н ц е с т р о к и**.

Таким образом получается, что именно стихотворная строка тождественна выведенному экспериментально общеславянскому фразово-просодическому каркасу-эталону, а прозаическая строка знает значительные отклонения от эталона и отклонения эти неслучайны и значимы.

Какие гипотезы могут быть сформулированы в связи с этим? Первая. **С л а в я н с к и й с т и х о т р а ж а е т с а м у ю д р е в н ю ю , и с х о д я щ у ю ф о р м у ф р а з о в о - п р о с о д и ч е с к о й с т р у к т у р ы**, или, иначе говоря, та фразовая структура, которая есть в стихотворной строке (а стихотворная строка содержит и другие специфические звуковые стихотворные структуры — ритмо-мелодические и квантитативно-слоговые¹⁵) соответствует самой древней форме фразово-интонационной модели. Вторая. **Д р е в н я я ф о р м а с л а в я н с к о г о с о о б щ е н и я и б ы л а с т и х о м в е г о н а ч а л ь н о м в а р и а н т е**.

Гипотезы эти неальтернативны, они могут быть приняты одновременно, но вторая кажется нам слишком смелой и уводящей в иную по материалу сферу анализа семантики и функции первых реконструируемых текстов. Строго говоря, на эту проблему "работают" исследования по сопоставлению типа метра и жанра стихотворного текста, т.е. выявлению семантики метра и ритма; снова возвращаясь к работе В.В. Иванова и В.Н. Топорова, упомянем также, что десятисложник, разбираемый первым, есть размер эпоса, т.е. сообщения. Точно так же Р. Якобсон обнаруживает греческие формы стиха, аналогичные славянскому десятисложнику, именно в стихах пословиц, гномических и ритуальных формул, т.е. "самых древних формах эпической поэзии", возникшей задолго до гекзаметра¹⁶.

И в первой, более осторожной гипотезе есть слабое место, состоящее в том, что общеславянская модель-каркас, описанная выше, еще не есть непременно древняя модель:

¹⁴ Там же, с. 49.

¹⁵ Необходимо подчеркнуть, что мы не рассматриваем собственно стиховой язык, считая его как бы особым пластом по сравнению с фразово-просодической моделью стихотворной строки. Идеи соотношения стихового языка и естественного языка отдельных эпох см. *Kuryłowicz J. The linguistic foundations of metre. Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego, 1976, z. XXXIX.*

¹⁶ *Jakobson R. Op. cit. p. 461.*

в принципе возможна и конвергентность позднейших трансформаций.

Однако эта гипотеза смыкается с другой нашей гипотезой о более позднем появлении в славянских языках семантически-синтаксически осмысленных вариаций в порядке слов (ср. нерелевантность этого в стихе)¹⁷.

Сохранение древней славянской фразовой структуры именно в стихе доказывается, на наш взгляд, еще одной группой данных.

4. Все сказанное выше об акцентно-просодической структуре славянского стиха носит общий характер и основано на слуховых данных. Между тем, было бы очень важно посмотреть, на что же похожа фразовая просодия стиха в свете подробно представленных и современных по методу получения экспериментально-фонетических данных. Эту возможность предоставляет работа Л.В. Златоустовой¹⁸.

Л.В. Златоустова показывает следующие специфические характеристики акустической структуры стиха:

1) ритмическая структура, т.е. фонетическое слово, в стиховом тексте выделена в большей степени, чем в прозаическом. Таким образом, интонация распределяется по словно (см. об этом в сноске). (Важно также, в этой связи, замечание К. Тарановского о том, что синтагматический стиховой контраст между слогами разных слов для славянского стиха почти неприемлем¹⁹).

2) общее время звучания увеличено. Особенно увеличены ударные гласные, гласные первых предупредительных слогов и гласные абсолютного исхода ритмической структуры, "на границах синтагм и, особенно, на границах синтагмы, совпадающей с границей строки"²⁰.

3) Интонация в собственном смысле, т.е. мелодика, гораздо более сглажена, чем в прозаическом тексте, "мелодические изменения происходят в узком сравнительно частотном диапазоне", тональный контур в основном служит для оформления цельности строки.

Этот последний вывод может показаться несколько неожиданным для тех, кто привык считать стих связанным с яркими модуляциями, эффектными голосовыми перепадами.

¹⁷ Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков, с. 262, где высказывается тезис о том, что наиболее древним формам славянских языков свойственны следующие признаки: негибкость порядка слов, семантическое усиление конца фразы, пословное (а не посинтагменное) распределение интонации, распространенность частиц-актуализаторов предложения.

¹⁸ Златоустова Л.В. Изучение звучащего стиха и художественной прозы инструментальными методами. - В кн.: Контекст. 1976. М., 1977.

¹⁹ Taranovsky K. The identity of the prosodic bases of Russian folk and literary verse. For Roman Jakobson, The Hague, 1956.

²⁰ Златоустова Л.В. Указ. соч. с. 72

Но соответствует ли русский стих с его приведенными выше акустическими характеристиками какой-либо фразово-просодической модели в рамках славянской группы языков или это — особая стихотворная ипостась именно русской просодии?

5. Оказывается, что все эти характеристики соответствуют фразовой интонации — в ее общем виде — одного из славянских языков, а именно — украинского²¹.

В украинском языке, по сравнению, в частности, с русским: 1) модулятивность меньшая, 2) средняя длительность во фразе большая, 3) фразовое ударение обычно приходится на конечную часть. При этом ударный слог сильно продлен, но — что более важно — продлен и абсолютно конечный ударный слог: он может быть даже длительнее конечного ему предшествующего ударного, иногда он длительнее ударного в несколько раз. Таким образом, конечная часть фразы в украинском языке оказывается сильно протяженной по длительности, что ощущается и при слуховом восприятии. Недаром украинскую речь часто называют "певучей".

Случайно ли это совпадение? В заключительной части нашей книги "Фразовая интонация славянских языков" помещены три таблицы, в которых приводятся данные о числе схождений интонационных признаков для каждой пары славянских языков. Если суммировать все показатели попарной языковой близости (а в книге такой общий подсчет не был произведен), то оказывается, что украинский язык занимает первое место среди восточнославянских и западнославянских языков по близости к каждому из остальных. Приводим общие цифры совпадений:

Русский язык — 81;	Польский язык — 79;
Украинский — 94;	Чешский — 77;
Белорусский — 80;	Словацкий — 74.

Таким образом, украинский язык как бы является в просодическом отношении носителем максимального числа схождений, некоторой исходной точкой отсчета. О причинах этой просодической "центральности" судить трудно, возможно, немалую роль играют здесь ареальные моменты, так как украинский язык оказывался наиболее далеким от неславянских контактов.

6. В начале статьи говорилось о просодической сохранности южнославянской стихотворной традиции, наряду с русской. И эти факты вполне согласуются с данными попарных языковых схождений. Заметим, что восточнославянские языки близки к южнославянским, а не западнославянским. Именно южнославянские языки, по тому же критерию суммы признаков, демонстрируют высокую степень общеславянской близости: болгарский язык — 95, сербо-хорватский — 83.

Таким образом, русский стих, согласно данным Л.В. Златоустовой, оказывается более близким к общеславянской

²¹ См. эти характеристики: Николаева Т.М. Указ. соч. Раздел "Украинский язык", с. 116–133.

фразово-просодической структуре, чем русская прозаическая речь.

Как представляется, все приводившиеся факты и соображения согласуются с высказанной гипотезой о том, что праславянская форма стихотворной строки отражает древнюю структуру просодии славянской фразы.

T.M. Nikolajeva

LA LIGNE EN VERS ET LA LIGNE EN PROSE:
LE PRIMAIRE ET LE MODIFIÉ

Le modèle prosodique, qui caractérise le vers proto-slave, représente un'existence régulière de deux accents encadrants, initial et final, et la liberté de la forme du milieu. Il correspond à celui d'un étalon slave commun général dans un aspect qui ressort de la comparaison des données d'intonation de la phrase de toutes les langues slaves. Ainsi, il s'est trouvé que le variant prosaïque de la langue parlée connaît aujourd'hui une file de modifications, chargées de fonctions, qui ne sont pas significatives pour la reproduction du vers. L'analyse expérimentale du vers russe montre la distinction entre sa structure acoustique et celle de la phrase prosodique; ces données sont proches au tableau de l'Ukrainien parlé moderne. La langue ukrainienne, selon l'expérience, est d'après ses données prosodiques le plus proche à toutes les autres langues slaves, son nombre des coïncidences est maximal. Les données des langues serbe et bulgare sont aussi pareilles. De cette façon, les faits prosodiques proprement dits révèlent la même similitude et la même distinction (la ressemblance des modèles slave d'Orient et slave de Sud), révélées avant pendant la déduction des formes vers protoslave. On donne l'hypothèse que c'est le vers qui représente la forme la plus ancienne de la structure prosodique de la phrase, c'est-à-dire de l'énonciation.